

ФУНКЦИИ ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются актуальные вопросы осуществления прокурором функций уголовного преследования и надзора за законностью в ходе международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, в частности показывается соотношение надзорной функции с функцией уголовного преследования в данной сфере деятельности, вследствие чего авторами сформулирован вывод теоретического характера по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: прокурор; процессуальные функции; уголовное преследование; надзор за исполнением законов; международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства; выдача; взаимная правовая помощь по уголовным делам; передача уголовного преследования (судопроизводства).

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, исходя из системного толкования его норм во взаимосвязи с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», содержит положения, в соответствии с которыми прокурор в пределах своей компетенции уполномочен осуществлять от имени государства *уголовное преследование* в ходе уголовного судопроизводства, а также осуществлять *надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, а именно за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.*

Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» породили научную дискуссию, не утиха-

ющую длительное время, относительно функций прокурора в российском уголовном процессе, в частности об осуществлении им (прокурором) функции уголовного преследования в ходе досудебного производства. В первую очередь это объясняется тем, что на сегодняшний день прокурор лишен прав самостоятельно возбуждать уголовные дела, лично производить по уголовному делу отдельные следственные действия, прекращать уголовное дело или уголовное преследование и др.

Не вдаваясь в научный дискурс по данному вопросу, отметим, что ныне в большей степени деятельность прокурора по уголовному преследованию, исходя из ее легального и распространительного толкования (п. 55 ст. 5 УПК РФ), прослеживается в ходе поддержания обвинения в суде.

Вместе с тем это не означает, что прокурор полностью лишен функции уголовного преследования в досудебном производстве, поскольку она (функция) протекает в других направлениях его организационной и процессуальной деятельности.

Следует заметить, что органы прокуратуры играют важную роль при осуществ-

влении международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью в целом, в том числе в сфере уголовного судопроизводства [1, с. 58–60; 11, с. 124–130; 12, с. 307–311; 13, с. 318–324], поскольку Генеральная прокуратура Российской Федерации, исходя из положений различных многосторонних и двусторонних международных договоров, УПК РФ и организационно-распорядительных документов в большинстве случаев выступает в качестве центрального компетентного органа от России в вопросах взаимодействия с компетентными органами других государств в уголовно-процессуальной сфере.

Генеральная прокуратура Российской Федерации является центральным компетентным органом в вопросах оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам в случаях, когда у органов предварительного следствия Российской Федерации в ходе расследования возникает необходимость в производстве некоторых следственных и иных процессуальных действиях на территории иностранных государств. Прежде всего, это объясняется тем, что органы предварительного расследования должны направлять запросы о правовой помощи в порядке субординации только через Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Так, в 2016 г. в Генеральной прокуратуре Российской Федерации рассмотрено 2769 запросов российских следственных органов о правовой помощи по уголовным делам на территориях иностранных государств, из них 2657 запросов направлены для исполнения в части производства следственных и иных процессуальных действий.

Направление запросов об оказании правовой помощи через Генеральную прокуратуру Российской Федерации стало обыкновением и, по мнению специалистов [4, с. 286], обусловлено тем, что в соответствии со сложившейся за многие годы договорной практикой и практикой исполнения договоров, регламентирующих вопросы оказания правовой помощи

по уголовным делам, центральными органами по направлению и организации исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам являются Генеральная прокуратура Российской Федерации и Министерство юстиции Российской Федерации, а наличие в государстве одного-двух центральных органов по вопросам правовой помощи позволяет в полной мере осуществлять единую политику в данной области, в том числе предъявлять единые требования к составлению запросов, проводить соответствующую методическую работу, определять тактику дальнейшего взаимодействия с зарубежными партнерами, обеспечивать национальные интересы при исполнении иностранных запросов и надзор за законностью при осуществлении сотрудничества в этой сфере.

При этом следует отметить, что в последнее время наметилась тенденция наделяния помимо Генеральной прокуратуры Российской Федерации других российских правоохранительных органов полномочиями по самостоятельному направлению запросов о правовой помощи по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Так, например, Следственный комитет Российской Федерации на сегодняшний день по вопросам оказания правовой помощи в традиционном ее понимании может напрямую сноситься с компетентными органами иностранных государств на основании принципа взаимности (при отсутствии международного договора). Более того, в силу Указа Президента Российской Федерации от 17.04.2017 № 170 «О центральных органах Российской Федерации, территориальных и иных органах, уполномоченных на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств – участников Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993¹ и Протокола к ней от 28.03.1997» Следственный комитет Российской Федерации, в том чи-

¹ Далее – Минская конвенция 1993 г.

сле его территориальные и иные органы на уровне субъектов Российской Федерации могут сноситься непосредственно с уполномоченными правоохранительными органами государств – участников СНГ.

В этой связи Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, выступая с лекцией, коснулся вопроса активного применения практики непосредственных сношений по вопросам правовой помощи с компетентными органами иностранных государств – участников Минской конвенции 1993 г. и отметил, что такая работа, направленная на включение Следственного комитета Российской Федерации в число органов, наделенных полномочиями по прямым сношениям с компетентными органами государств – участников, упомянутых Конвенции и Протокола к ней, последовательно проводилась Следственным комитетом совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами с 2011 г., когда было создано независимое следственное ведомство – Следственный комитет Российской Федерации².

При этом следует учитывать, что непосредственное направление следственными органами Следственного комитета Российской Федерации запросов о правовой помощи представляется возможным только государствам – участникам СНГ, являющимся участниками Минской конвенции 1993 г. Очевидно, что в современных условиях возникает практическая необходимость экстраполировать аналогичную процедуру в отношении также государств, являющихся участниками Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959 и Дополнительного протокола к ней от 17.03.1978.

Однако на сегодняшний день, несмотря на то что п. 3 ч. 3 ст. 453 УПК РФ

предоставляет возможность непосредственного направления Следственным комитетом Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации запросов о правовой помощи компетентным органам иностранных государств данный пункт российского уголовно-процессуального закона следует применять не обособленно, а только во взаимосвязи с ч. 1 ст. 453 УПК РФ, которая, в свою очередь, имеет отсылочный характер, поскольку устанавливает, что запрос о производстве процессуальных действий вносится в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности [6, с. 159–183], по большинству из которых центральным компетентным органом от России является Генеральная прокуратура Российской Федерации.

Вместе с тем в силу международных договоров, регулирующих взаимодействие государств в сфере уголовной юстиции, и положений российского уголовно-процессуального законодательства Генеральная прокуратура Российской Федерации является единственным уполномоченным органом, к компетенции которого относится решение вопросов выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора (гл. 54 УПК РФ), передачи материалов уголовного дела компетентным органам иностранного государства в целях уголовного преследования лица, не подлежащего выдаче (ст. 458–459 УПК РФ)³, передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера [14].

В целях обеспечения соблюдения международных обязательств и законо-

² См.: Александр Бастрыкин прочел лекцию в Московском государственном институте международных отношений // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/1176163/> (дата обращения: 01.11.2017).

³ В юридической литературе также используется термин «осуществление уголовного преследования по запросу иностранного государства», «передача уголовного преследования (судопроизводства)» [2, с. 295–308 ; 7].

дательства Российской Федерации в вопросах международного сотрудничества Генеральной прокуратурой Российской Федерации были приняты множество ведомственных актов, так или иначе регулирующих сотрудничество государств в уголовно-процессуальной сфере [11, с. 124–130].

Так, например, согласно п. 1.2.12 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18.10.2008 № 212/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для проведения принудительного лечения» (далее – Указание ГП РФ № 212/35) прокуроры районного уровня по уголовным делам, находящимся в производстве российских органов предварительного следствия и дознания и российских судов, при объявлении скрывшихся обвиняемых в международный розыск должны принимать меры к обеспечению незамедлительно возбуждения ходатайств об избрании в отношении таких лиц меры пресечения в виде заключения под стражу; докладывать вышестоящему прокурору, а также в Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ о намерении запрашивать выдачу. Кроме того, в силу п. 1.3.3 названного выше указания прокурорам субъектов РФ предписано обеспечивать участие прокуроров в рассмотрении судами ходатайств о заключении под стражу лиц, разыскиваемых в целях выдачи.

В этом контексте возникает важный теоретико-прикладной вопрос: какую функцию реализует прокурор в данной ситуации и в целом при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства – уголовного преследования или надзора за законностью?

Широко обсуждаемый учеными и практиками, но неразрешенный однозначно до настоящего времени вопрос о функ-

циях прокурора в уголовном процессе, как видим, актуален и в отношении действий прокурора в сфере взаимодействия прокуроров с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств.

В юридической литературе отмечается, что «международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации – ненадзорное направление ее деятельности. Однако, поскольку основное историческое предназначение прокуратуры Российской Федерации – осуществление надзора за исполнением законов, все остальные функции органов прокуратуры России неразрывно связаны с надзорными полномочиями. Международное сотрудничество является необходимым условием эффективного осуществления отечественной прокуратурой надзорных и иных полномочий» [7].

Представляется, что прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо понять, является ли возбуждение ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, направление запроса о правовой помощи и выдаче процессуальной деятельностью, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого (обвиняемого), т.е. функцией уголовного преследования. Отметим, что такая категория, как уголовное преследование, является очень сложной правовой материей, которая широко обсуждается в кругах ученых-процессуалистов и не имеет однозначного доктринального толкования.

Представляется, что деятельность прокурора по обеспечению возбуждения ходатайств перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу является функцией уголовного преследования, поскольку она включает в себя не только собирание обвинительных доказательств, но также и применение принудительных мер, направленных на обеспечение неотвратимости уголовной ответственности, предотвращения отрицательного воздействия на нормальный ход

производства по уголовному делу (пп. 1–3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), а также на обеспечение возможной выдачи лица, и исполнение приговора (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Принимая во внимание данные нормативные положения, можно сделать обоснованный вывод о том, что при составлении и направлении запроса о правовой помощи, о выдаче лица, а также поручения об осуществлении уголовного преследования прокурор осуществляет именно функцию уголовного преследования, поскольку его процессуальные действия направлены на изобличение и привлечение такого лица к уголовной ответственности за совершенное преступление, независимо от места нахождения подозреваемого, обвиняемого.

Неслучайно поэтому правоотношения, возникающие в сфере выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, регламентируются международными договорами Российской Федерации, а также главой 54 УПК РФ. Следовательно, законодатель определил, что прокурор, подготавливая и направляя запрос о выдаче, осуществляет прежде всего функцию уголовного преследования, нежели надзор за законностью, поскольку цель выдачи – уголовное преследование лица, совершившего преступление на территории запрашивающего государства. Эта цель и механизмы ее достижения присущи также институту передачи уголовного преследования (судопроизводства), поскольку квинтэссенция данного правового института как раз заключается в реализации принципа неотвратимости наказания путем осуществления уголовного преследования на основании переданных компетентными органами иностранного государства материалов уголовного дела. В этой ситуации прокуратура выступает инициатором такой формы уголовного преследования и тем самым запускает соответствующий правовой механизм.

Что касается направленных в Российскую Федерацию запросов компетент-

ных органов иностранных государств о выдаче, то органы прокуратуры путем производства процессуальных действий также реализуют функцию уголовного преследования.

Данный вывод в полной мере согласуется с нормативными положениями пункта 1.2.2 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 212/35, согласно которому прокурорам районного уровня необходимо при отсутствии на момент задержания данных, исключаящих выдачу задержанных лиц иностранному государству или международному суду, обеспечить их задержание на 48 часов, а в случае подтверждения инициаторами розыска намерения запрашивать выдачу таких лиц и представления постановлений о заключении их под стражу, просьб о временном задержании, о взятии под стражу до предоставления запроса о выдаче принимать меры к заключению задержанных под стражу на основаниях и в порядке, предусмотренном международными договорами и российским законодательством. Таким образом, компетентный орган иностранного государства передает функцию уголовного преследования российским органам прокуратуры⁴.

Вместе с тем изложенная выше аргументация ни в коем случае не ставит под сомнение исходное положение о том, что органы прокуратуры при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства реализуют функцию надзора за исполнением законов.

Именно поэтому п. 1.6.4 указания Генеральной прокуратуры Российской

⁴ Ранее Генеральной прокуратурой Российской Федерации была сформирована позиция в соответствии с которой допрос подозреваемых, обвиняемых является функцией уголовного преследования, т.е. функцией государства, которая не может быть делегирована зарубежным компетентным органам [9, с. 75–76]. Однако на сегодняшний день такая позиция пересмотрена надзорным органом, вследствие чего запросы о допросах подозреваемых и обвиняемых в рамках правовой помощи могут исполняться.

Федерации № 212/35 предписывает Главному управлению международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации осуществлять проверку материалов, поступивших для подготовки и направления в иностранные государства запросов о выдаче и о передаче лиц, признанных невменяемыми, для продолжения лечения. Таким образом, прокурорские работники данного управления осуществляют координирующую функцию и надзор за соблюдением нижестоящими прокурорами требований национального законодательства по вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства и тем самым реализуют ведомственный контроль за исполнением указаний вышестоящих прокуроров.

Стоит также заметить, что при передаче уголовного преследования (судопроизводства) прокурор не на всех этапах осуществляет функцию уголовного преследования.

Так, на наш взгляд, прокурор, проверяя материалы уголовного дела, предоставленные следователем для составления соответствующего поручения и дальнейшей передаче данных материалов через Генеральную прокуратуру компетентным органам иностранного государства для осуществления уголовного преследования [10, с. 75], осуществляет как функцию надзора за исполнением законов, так и функцию уголовного преследования.

Таким образом, на одном этапе прокурор осуществляет функцию надзора за процессуальной деятельностью следователя посредством ознакомления с материалами дела и установления возможности их передачи Генеральной прокуратуре РФ, на другом этапе – осуществляет функцию уголовного преследования, поскольку составляет поручение об осуществлении уголовного преследования, тем самым запускает международно-правовой механизм передачи уголовно-

го судопроизводства в целях реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности и наказания.

Функция надзора за законностью усматривается и в других положениях ведомственных документов органов прокуратуры.

К примеру, в силу пунктов 1.3.5, 1.3.8 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 212/35 прокурорам на уровне субъектов Российской Федерации предписано проверять законность принимаемых подчиненными прокурорами решений об освобождении лиц, не подлежащих выдаче другим государствам, международному суду, а также в соответствии с установленной компетенцией обеспечивать осуществление надлежащего надзора за своевременным исполнением подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний и другими компетентными органами Российской Федерации решений о выдаче или о передаче для лечения.

В соответствии с абз. 2 п. 1.8.1 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 12.03.2009 № 68/35 «О порядке рассмотрения и исполнения в органах прокуратуры Российской Федерации поручений об осуществлении уголовного преследования, запросов о правовой помощи или о возбуждении уголовного дела, поступивших от компетентных органов иностранных государств» (в ред. приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 16.08.2011 № 244) прокурорам субъектов Российской Федерации предписано обеспечивать надзор за соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, прав и свобод граждан, принятием решений при расследовании поступивших уголовных дел и проведении проверок в порядке, предусмотренном ст.ст. 144, 145 УПК РФ.

Что касается реализации прокурорскими работниками Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации функции надзора за исполнением

законов, то в соответствии с п. 2.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 12.03.2009 № 67 «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации» сотрудники данного управления обеспечивают организацию выполнения обязательств и реализацию прав, вытекающих из международных договоров и законодательства Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства в пределах своей компетенции.

Согласно п. 2.5 они контролируют своевременность и полноту исполнения в соответствии с требованиями международных договоров и законодательства РФ запросов о выдаче лиц и правовой помощи. Следовательно, поступившие запросы и материалы, касающиеся выдачи, правовой помощи по уголовным делам, передачи уголовного преследования (судопроизводства) подлежат тщательной проверке на соответствие их национальному законодательству, международным договорам Российской Федерации и нормативным правовым актам Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Так, в 2016 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации возвратила российским следственным органам 112 запросов о правовой помощи в связи с выявленными недостатками при их оформлении в соответствии с требованиями УПК РФ.

Изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства прокурор выполняет одновременно или по отдельности (в зависимости от уровня такого сотрудничества и конкретных обстоятельств) две функции: уголовное преследование и надзор за исполнением законов. В этой связи, определяя функцию уголовного преследования, можно сделать вывод о вторичности, производности от функции надзора, поскольку ее реализация подчинена достижению

единой цели – соблюдению законности в досудебном производстве по уголовным делам [5, с. 53–58].

Вместе с тем следует констатировать, что функция уголовного преследования в ходе досудебного производства в настоящее время в большей степени свойственна следователю, уполномоченному возбуждать уголовные дела и осуществлять по ним предварительное следствие (ст. 38 УПК РФ).

С учетом этих нормативных правил представляется целесообразным наделить следователя правом составлять поручение об осуществлении уголовного преследования на территории иностранного государства (передача уголовного преследования) в целях дальнейшего направления такого поручения вместе с уголовным делом прокурору, который посредством изучения данного процессуального документа и материалов уголовного дела реализует в полной мере свойственную ему функцию надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В результате реализации данной функции такое уголовное дело вместе с поручением будет либо возвращено прокурором следователю для устранения нарушений уголовно-процессуального законодательства и международно-правовых норм, либо направлено в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для дальнейшей передачи в компетентные органы иностранного государства.

В заключение отметим, что результаты исследования обозначенной теоретической проблемы дают возможность сформулировать новые научные положения о таком сложном системно-структурном межотраслевом образовании, как международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, и могут стать дополнительной юридической платформой для продолжения научного дискурса по поводу функций прокурора в уголовном судопроизводстве.

Пристатейный библиографический список

1. Быкова Е.В. Роль российской прокуратуры в международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 58–60.
2. Быкова Е.В., Решетникова Т.А., Выскуб В.С. Передача уголовного преследования (судопроизводства): правовое регулирование и некоторые проблемы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3. С. 295–308.
3. Волеводз А.Г. К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью. // Международное уголовное право и международная юстиция. 2007. № 1. С. 11–20.
4. Громов С.А. Договорно-правовые аспекты международного сотрудничества Следственного комитета Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 1 (18). С. 283–291.
5. Ережипалиев Д.И. Правовые механизмы уголовного преследования, осуществляемого прокурором // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 6 (20). С. 53–58.
6. Литвишко П.А., Громов С.А. Договорно-правовые аспекты международного сотрудничества Следственного комитета Российской Федерации // Сборник материалов по международному сотрудничеству Следственного комитета Российской Федерации. М., 2015. С. 159–183.
7. Победкин А.В., Яшин В.Н. Научно-практический комментарий к ст. 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс, 2006.
8. Уголовное преследование лица, не выданного в соответствии с требованием запрашивающей стороны: науч.-методич. пособие / Е.В. Быкова, П.А. Смирнов, М.А. Фролова; под ред. С.П. Щербы М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2008. 75 с.
9. Устинов А.В. Взаимодействие органов предварительного следствия Российской Федерации с уполномоченными субъектами иностранных государств в целях получения доказательств по уголовному делу: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук А.Г. Волеводза. М.: Юрлитинформ, 2014. 200 с.
10. Участие органов прокуратуры Российской Федерации в международном сотрудничестве по вопросам выдачи и правовой помощи по уголовным делам: сб. методич. и информ. материалов / под общ. ред. заместителя Генерального прокурора Российской Федерации государственного советника юстиции 1 класса, заслуженного юриста Российской Федерации А.Г. Звягинцева. М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2011. 504 с.
11. Щерба С.П. Правовые механизмы международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 6 (26). С. 124–130.
12. Щерба С.П., Смирнов П.А. Взаимодействие генеральных прокуратур государств – участников СНГ при исполнении международных договоров в сфере уголовной юстиции: опыт и проблемы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2. С. 307–311.
13. Щерба С.П., Додонов В.Н., Архипова Е.А. Взаимодействие приграничных органов прокуратуры государств – участников СНГ в борьбе с преступностью: состояние и перспективы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 1. С. 318–324.
14. Щерба С.П., Фролова М.А. Передача лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах СНГ. М.: Юрлитинформ, 2012. 240 с.
15. Щерба С.П., Смирнов П.А., Четвертакова Е.Ю., Чашина И.В. Принцип Non bis in idem (не дважды за одно и то же) и проблемы его реализации в России и зарубежных странах: монография / под общ. и науч. ред. проф. С.П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2017. 216 с.